

Категория эгоизма в системе представлений К. С. Аксакова

В современных литературоведческих работах, посвященных славянофильству, ощущается стремление к всестороннему и объективному исследованию этого сложного явления русской общественной жизни. Сегодня очевидна серьезная роль славянофилов в развитии общественного самосознания, их вклад в русскую культуру.

Однако их суждения, в целом несомненно справедливые, требуют определенных уточнений. Негативная оценка некоторых взглядов славянофилов возникает нередко в результате автономного рассмотрения различных сторон их деятельности, без учета многосторонних связей, которые между ними существуют. Особенно четко системность исторических, философских, эстетических и этических взглядов славянофилов просматривается при обращении к постоянным, «сквозным» категориям. Одной из таких категорий является понятие эгоизма, часто встречающееся в работах К. Аксакова.

Контекст его употребления чрезвычайно широк. Аксаков использует это понятие в связи с рассуждениями о национальном характере; формах национального единства, специфике исторической жизни государства, оценкой тех или иных литературных явлений. Таким образом, содержание этой категории выходит за рамки чисто бытового звучания и значения, приобретая философский, аксиологический и эстетический аспекты. Какова же его смысловая наполненность в статьях Аксакова? Чем вызван постоянный интерес критика к этому понятию?

Прежде всего, стремлением уловить своеобразие национального характера, найти те этические принципы, основания, которые объясняют глубокую нравственность, духовность русского народа.

Обращаясь к славянофильской трактовке сущности национального характера, исследователи отмечают действительно важные в славянофильской этике качества: смирение, кротость, терпение. Отсюда следуют, как правило, выводы об одностороннем или неверном представлении славянофилов о национальном характере. Однако К. Аксаков не абсолютизирует эти качества: свойства национального характера являются, очевидно, производными другой, исконно русской, по мысли К. Аксакова, особенности — самоотверженности как умения отказаться от притязаний собственной личности, бескорыстия. В истинно национальном характере преобладает чувство живой, тесной и любовной связи с окружающими, которое не допускает одностороннего развития личного начала, индивидуализма. Такое исконное, почти природное содержание национального характера было господствующим, полагает К. Акса-

ков, в личности человека допетровской Руси. Подобный тип личности определяет и структуру особого, свойственного именно Руси народного единства — общины, которое, в свою очередь, предполагает особый тип отношений внутри нее. «Община, — пишет К. Аксаков, — есть союз людей, отказавшихся от своего эгоизма, от личности своей и являющих общее их согласие: это действие любви, высокое действие христианское» [1, с. 231]. Итак, момент самоотречения — это неперемное условие нравственности, более того, неперемное условие развития личности. Гордость же, чувство превосходства над другими людьми искажает нравственный облик человека.

Очевидно, в славянофильском представлении о сущности национального характера было немало истинного. В этом убеждают памятники духовной культуры русского средневековья, сохранившие свидетельства этических представлений людей допетровской Руси. Владимир Мономах в своем «Поучении», одним из самых мудрых произведений отечественной литературы, обращается к детям: «Паче же всего гордости не имейте в сердце и уме», и сам для себя просит как высшей благодати: «О владычица богородица! отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни» [10, с. 397]. Типичность именно такого отношения к чувству гордости древнерусского человека зафиксирована в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Все значения этого слова имеют там только негативное этическое содержание [13, с. 613—614]. Гордость в народном понимании равна гордыне. Отсутствие эгоизма и гордости славянофилы восприняли как лучшую черту национального характера. Они понимали, что по своему происхождению это качество не является исключительно русским, а, скорее, общехристианским. Действительно, в «Евангелии» есть близкое толкование норм нравственной жизни человека. Но именно для русского национального характера, по мнению К. Аксакова, оно становится природно-естественным и доминирующим.

Обостренная реакция на эгоистическое начало не только входила в систему теоретических представлений К. Аксакова, но была органическим свойством его личности. Для Белинского, Герцена, Анненкова и других современников К. Аксаков был воплощением благородства, чистоты и нравственной самоотверженности личности. Абсолютно неэгоистический тип отношений сохранялся и в семье Аксаковых, может быть, бессознательно сориентированный на столь чтимую ими общину. В определении исторического содержания русского национального характера Аксаков увидел действительно важные признаки, указал его существенную сторону.

Размышляя над личностью современного человека, К. Аксаков приходит к выводу: лучшее исконно национальное свойство личности начинает исчезать, нравственный облик русского человека искажается. В объяснении этого явления К. Аксаков

идет от традиционной для всех славянофилов мысли о пагубном влиянии Запада, ибо эгоизм — характерная черта западноевропейского уклада. Отсюда следует закономерный вывод о том, что эгоистическое начало, столь сильно развитое в современном человеке, — ненационально и ненародно. Таким образом, этическая категория эгоизма получает в рассуждениях К. Аксакова значение национальной категории. Самые высокие порывы не сохраняют личности от эгоизма, если человек не научится испытывать братские чувства, если не ощутит себя органической частью общего целого, народа: «Личная дружба, личная любовь не уничтожают одиночества, ибо это круг той же личности; это скорее утверждение и распространение, а не отрешение от нее, не забвение ее эгоизма» [15].

Наиболее последовательно, декларативно Аксаков изложил свои высокие требования к личности в поэтической форме. «Гуманисту» — так знаменательно названо одно из его программных стихотворений. Но все оно построено на контрасте с торжественным названием:

Ты эгоист, хотя бы наслажденья
Высокие испытывал твой дух;
Ты эгоист, хотя б других мученья
Болезненно тревожили твой слух...

И перечисляя далее прекрасные человеческие качества своего героя: сострадание, благородство, пылкость чувств, Аксаков тем резче говорит об его эгоизме, ибо плачет он не «с ними, а об них» [12, с. 170—172].

При всей уязвимости, исторической ограниченности аксаковской концепции национального характера нельзя не признать важность поставленной им проблемы. Человек и общество, индивидуальность и целое — эти вопросы занимали не только славянофильскую критику, но и русскую демократическую эстетику, общественную мысль. Идя совершенно своим путем, славянофилы приходили к выводу о необходимости самоотверженности личности как условия общественного прогресса. Однако абсолютное неприятие славянофилами эгоизма как свойства личности, заключая в себе высоту национального этического идеала, таило и известную опасность, которую почувствовали уже современники. Ап. Григорьев разойдется со славянофилами прежде всего в различном понимании роли личности. «Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе есть именно слабая сторона славянофильства», — заметит он в письме А. Н. Майкову 9 января 1858 года [9, с. 215]. Поэтому сам Григорьев признает «законность», органичность для русской жизни не только «смирного», но и «хищного» типа с его ярко выраженным индивидуалистическим началом. Критик совершенно иной направленности, радикальный разночинец Д. И. Писарев, особенно ценя в человеке полноту внутренней свободы, будет защищать необходимость присут-

ствия в нем эгоистического начала. Как бы продолжая Писарева, М. Гершензон заметит в «Исторических записках»: «Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже две трети века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности — эгоизм, непристойность», [8, с. 153] — и будет доказывать неправомерность абсолютного отказа от эгоистического начала. Однако где пролегает та грань, за которой эгоизм как необходимый элемент самознания личности переходит в эгоцентризм, теряет разумное содержание? Очевидно, наиболее теоретично она оформилась в романе М. Чернышевского «Что делать?». «Разумный» эгоизм в толковании Чернышевского получает высокий нравственный заряд, и потому эгоистическая позиция героев романа «Что делать?» заключает в себе высший альтруизм. Само понятие эгоизма оказывается таким образом не только вневременным, но и исторически изменчивым.

Размышляя над проблемой соотношения личности и общества, славянофилы, несомненно, понимали возможность настоящих и будущих упреков и пытались ответить на некоторые из них. «Личность в общине не подавлена, — отмечает К. Аксаков, — она только лишена своего буйства, своего эгоизма, исключительности» [2, с. 229]. «В общинном союзе, — настойчиво повторяет он, — не уничтожаются личности, но отвлекаются от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех» [2, с. 229]. И все же эгоизм в трактовке славянофилов оказывается понятием вневременным, лишенным внутреннего движения, и в этом — ограниченность их этических позиций.

Категория эгоизма приобретает в статьях К. Аксакова и значение исторической категории. Особенности национального характера, прежде всего отсутствие в нем эгоизма, объясняют, с точки зрения К. Аксакова, своеобразие русской истории. «Личность в русской истории играет вовсе не большую роль... Русский народ не любит становиться в красивые позы; в его истории вы не встретите ни одной фразы, ни одного красивого эффекта» [3, с. 18]. Однако внешняя простота и смирение не исключают, а скорее предполагают ту «бесстрашную доблесть», которую обнаруживал русский народ в борьбе с врагами. Эта мысль славянофилов заслуживает несомненного сочувствия. Изучая русскую историю, славянофилы могли найти в ней именно такое проявление патриотического чувства, подобные образцы гражданского мужества: простого, неэффектного, «безличностного». Современный историк Ф. Нестеров говорит о том, что впервые неповторимый национальный облик России проявился на поле Куликовом. «Отныне и впредь, — заключает Нестеров, — Россия будет требовать от своих сынов не личного бесстрашия (оно разумеется само собой), но беспрекословного выполнения воинского долга», «скромного мужества» [11, с. 70].

Славянофильская концепция русской истории дала возможность позднейшим исследователям, прежде всего Вл. Соловьеву, упрекать славянофилов в чувстве национальной исключительности, «национальном эгоизме». Таким образом, предъявляемое ими обвинение оказалось переадресовано им самим. Этот упрек в адрес славянофилов стал постоянным. Современный литературовед Ю. З. Янковский пишет о том, что главная идея славянофилов — это идея национальной исключительности, «т. е. изначального превосходства России над другими народами и нациями» [14, с. 18].

Очевидно, предвидя опасность непонимания, а потому искаженного толкования их мысли, К. Аксаков дает специальное разъяснение своих исторических взглядов. Чувство национальной исключительности, отмечал он, появилось в преобразованной Петром Руси. В общинной же Руси его не было: «Дух нашего народа есть христианско-человеческий» [4, с. 43]. Доказывая свою мысль, Аксаков ссылается на древнерусские источники, прежде всего летопись Нестора. Особая роль Руси, с точки зрения Аксакова, сказалась в том, что она наиболее отчетливо выразила эти общехристианские начала. Конечно, в таком восприятии исторической миссии Руси присутствует чувство национальной гордости (как бы ни ополчался Аксаков на гордость как таковую), но оно свободно от сознания элитарности, национального высокомерия. Таким образом, этические представления славянофилов, прежде всего К. Аксакова, о личности слились с его историческими взглядами.

Общественно-исторические, этические позиции славянофилов определяли во многом их восприятие литературных явлений. Здесь особенно ощущаются уязвимые стороны, односторонность их концепции. Те пороки, которые находили славянофилы в личности современного человека, в современной русской действительности, видели они в литературе, опосредованно отразившей, с их точки зрения, бездуховность западной цивилизации, отсутствие этических норм и ценностей. Ложное направление современного искусства, считает К. Аксаков, объясняется прежде всего тем, что это искусство личное, а не народное. Разумеется, автором произведения является конкретное лицо, но не должно быть апофеоза личности как автора, так и героя. В ошибочности направления современной литературы К. Аксакова убеждает прежде всего творчество Лермонтова, «последнего поэта отвлеченной подражательной эпохи». Естественно, что главное обвинение, которое он предъявляет художнику, — обвинение в эгоизме: «Лермонтов нашел убежище в странном самодовольстве, самодовольстве сухого, холодного эгоизма», — считает критик. С такой же точки зрения он рассматривает и лермонтовского героя [5, с. 36]. Аксаков был абсолютно прав, увидев одно из доминирующих качеств Печорина в стремлении смотреть на страдания и радости других только по отношению к самому себе. Об эгоизме как жизненной позиции героя скажет и симпатизирующий ему критик —

Белинский. Но он объяснит историческую оправданность подобного отношения к жизни. В развитии самосознания лермонтовского героя таится едва ли не главный секрет его притягательности. Но гипертрофированное развитие личного начала ведет к эгоизму, считает Аксаков, утрате связей Печорина с людьми. При этом драматическая сторона такой жизненной позиции для критика не существует, как и не существует историческая закономерность такого эгоизма.

Неприятие Лермонтова славянофилами (особенно острым оно стало в 60-е годы) вызвано еще и тем обстоятельством, что с именем поэта они связывали существование целого направления, пагубное влияние которого сказывается, по их мнению, даже в современной литературе. К. Аксаков увидел влияние творчества Лермонтова в ранних произведениях Тургенева: стихотворении «Разговор», повестях первого тома, «Андрее Колосове», «Трех портретах», «Бретере». И вновь главное и постоянное обвинение, предъявляемое этим тургеневским произведениям, — проповедь эгоизма, бездуховность, искажение всех нравственных понятий. В стихотворении «Разговор» выражается ясно, — пишет Аксаков, — тот холодный, с виду красивый и сильный, но в сущности жалкий, гнилой и бесплодный эгоизм, который являлся в некоторых произведениях Лермонтова...» [6, с. 159]. Повесть «Андрей Колосов» критик рассматривает как трансформацию лермонтовских стихов:

Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано все понятно,
Для мук и счастья, для добра и зла,
В них пищи много; только невозвратно
Они идут, куда их повела
Случайность — без раскаянья, упреков
И жалобы: им в жизни нет уроков.

Он с возмущением говорит о безнравственности этих стихов, оживших в повести Тургенева: «Что это, как не бездушный эгоизм!» [5, с. 19]. Неприятие критика вызывает не только герой тургеневской повести, но и унаследованная от Лермонтова позиция автора по отношению к нему — постоянное его оправдание.

Эгоистического, разочарованного героя, с бледным челом и подавленными страстями, Аксаков находит и в новой поэме Майкова «Две судьбы». Правда, в этом герое есть и обнадеживающее начало — «убегающая от всех теорий любовь к русской земле». Не случайно он пытается сравнивать древнюю Русь с настоящей, и это сопоставление не в пользу современности. Герой не находит для себя ответа на вопрос, в чем причина апатии современного поколения, но уже в самом вопросе, считает Аксаков, заключена попытка автора преодолеть традиционное представление о типе сильной личности. Сам Аксаков корень зла видит опять-таки в «жалком эгоизме», которым наказаны русские люди за «презрение к народной жизни, за оторванность от русской земли...» [7, с. 194].

В неприятии типа сильной личности Аксаков, на первый взгляд, близок к революционерам-демократам. Но мотивы «отвержения» подобного героя были у них различны. Чернышевский и Добролюбов, говоря о бездеятельности героев предшествующей литературы, мечтали о новом человеке, человеке-борце, в котором готовность к подвигу во имя интересов народа, общества сочетается с развитием личного начала, а «разумный эгоизм» и самоотверженность служат одной цели — утверждению добра. Аксаков же противопоставляет типу сильной личности героя кроткого и любящего, умиряющего в себе гордые порывы души. Подобного героя он находит, например, в Якове Пасынкове Тургенева. Так узость национального идеала привела к ошибочной литературно-критической концепции.

Неприятие эгоизма как явления национального связано не только с этическими представлениями славянофилов, но и с их философской позицией. Они доказывали превосходство «цельного знания» над конкретным, синтеза над анализом. Именно такой характер мироощущения, полагали славянофилы, свойствен русскому национальному сознанию. Господство «самовластного рассудка», «холодного анализа» они связывали с общественной психологией Запада. Подобные формы познания жизни, считали они, не только не ведут к постижению истины, но, отраженные в художественном произведении, мешают художественному единству и свидетельствуют о том, что автор «более мыслитель, чем художник». Естественно, что Лермонтов с его аналитическим умом, господством интеллектуальной стихии, его героями, в которых единственно «развито сознание», воспринимался славянофилами как явление ненациональное, а творчество поэта в целом трактовалось как художественное.

Те же несовершенства увидел К. Аксаков в ранних произведениях Л. Н. Толстого. Психологический анализ Толстого, считает он, смещает истинное соотношение вещей, увеличивает, как в микроскопе, мелочи душевного мира, переоценивает их значение. Подобная художественная односторонность имеет в своей основе определенный этический порок — эгоизм. «Надо меньше заниматься собою, обратиться к божьему миру, яркому и светлому, думать о братьях и любить их, — и тогда, не теряя самосознания, станешь и себя видеть и чувствовать в настоящем месте и настоящем свете», — заключает критик [5, с. 38].

Таким образом, эгоистическая позиция, по мысли Аксакова, не только свидетельствует об определенном этическом несовершенстве, но и ведет к эстетическим просчетам. Понятие эгоизма переходит у Аксакова в ряд этических категорий, свидетельствуя об универсальности и органической цельности его жизненных и теоретических представлений.

Понятие эгоизма, являясь системным понятием для К. Аксакова, дает возможность увидеть как сильные стороны его теоретической мысли, так и тупики славянофильской идеологии и эстетики.

1. Аксаков К. С. Краткий исторический очерк земских соборов. // Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1. 2. Аксаков К. С. Разные отдельные заметки // Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1. 3. Аксаков К. С. О русской истории // Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1. 4. Аксаков К. С. Несколько слов о русской истории, возбужденных историей г. Соловьева // Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1. 5. Аксаков К. С. Обзорение современной литературы // Рус. беседа. 1857. Кн. 5. 6. Аксаков К. С. «Разговор» Ив. Тургенева // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика: М., 1981. 7. Аксаков К. С. Три критические статьи г-на ИМРЕК // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. 8. Гершензон М. Исторические записки. М., 1910. 9. Григорьев Ап. Материалы для биографии. Пг., 1917. 10. Мономах Вл. Поучение // Памятники литературы Древней Руси XI—начала XII века. М., 1978. 11. Нестеров Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. М., 1976. 12. Ранние славянофилы. М., 1910. 13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка без г. изд. Т. 1. 14. Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981. 15. ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 4, е/хз.

Статья поступила в редколлегию 24.08.85

В. Ф. Максименко, доц.,
Харьковский университет

Проблема личности в повести А. П. Чехова «Черный монах»

В последнее время все чаще отмечается необходимость исследования философских взглядов А. П. Чехова. Без этого невозможно уяснить всю значительность вклада, который он внес в развитие русской литературы, формирование новых представлений о мире и человеке, не утративших своего значения до сих пор [1, с. 57—96]. Анализ поэтики произведений позволяет уяснить авторскую концепцию, воплощенную в конкретных произведениях и художественной системе в целом [2, с. 150]. С этой точки зрения особый интерес представляет одно из самых загадочных произведений Чехова — «Черный монах». Современные исследователи все чаще называют его этапным и пытаются обнаружить связующие нити между «Черным монахом» и другими произведениями писателя [2; 4; 6].

Долгое время исследователи «Черного монаха» стремились в первую очередь определить сущность образа Черного монаха, а затем определяли позиции Коврина и Песоцкого. При этом образ Тани оставался вне поля зрения исследователей. Интерпретации сводились к оправданию одного героя и обвинению другого, отождествлению позиций героев с авторской позицией, что неизбежно вело к навязыванию Чехову несвойственной ему прямолинейности и упрощению реальной сложности авторской концепции произведения. В настоящее время бесплодность подобного подхода к анализу «Черного монаха» становится, на наш взгляд, все более очевидной. С точки зрения современной науки основную идейно-композиционную